

черный котенок

Толстый – спаситель французской короны

МАРИЯ НЕКРАСОВА

ЖЗЛ

Мария Евгеньевна Некрасова

Толстый – спаситель французской короны

Серия «Толстый», книга 2

Текст книги предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=146200

*Некрасова М. Толстый – спаситель французской короны: Повесть :
Эксмо-Пресс; М.; 2007
ISBN 978-5-699-24354-9*

Аннотация

Всем известно, что Александр Уткин – молодой, подающий надежды художник, но никто не знает, что он еще и молодой, подающий надежды сыщик! Ну а какой уважающий себя сыщик упустит возможность расследовать тайну, тем более во Франции, рядом с древним замком? В этом замке кто-то сначала украл королевскую печать, а потом превратил бесценную кровать французских королей в груды лохмотьев. Но кто же совершил злодейство? Хулиганы? Сотрудники музея? А может, здесь замешан таинственный старец, что бродит возле замка лунными ночами, – если это вообще не... призрак?! «Как же подступиться к этому странному, загадочному делу?!» – размышляет Саша, и тут его верный крыс по прозвищу Толстый приносит главную улику...

Ранее повесть выходила под названием «Толстый – пожиратель улик».

Содержание

Глава I	5
Глава II	14
Глава III	27
Глава IV	29
Глава V	40
Глава VI	45
Глава VII	48
Глава VIII	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Мария НЕКРАСОВА ТОЛСТЫЙ – СПАСИТЕЛЬ ФРАНЦУЗСКОЙ КОРОНЫ

Глава I Кому нужна Большая Королевская Печать?

Родителей не выбирают: какие достались, с теми и будешь маяться всю жизнь. Тонкий давно с этим смирился, но Ленка, его сестра, была категорически против такой несправедливости.

– Ну подумай, Саня, – тараторила она, прыгая вокруг Тонкого на одной ноге (на второй были накрашены ногти, и Ленка их так сушила). – Подумай: к тому, что в учебное время их дома не бывает, еще можно привыкнуть, но в каникулы! – Она потеряла равновесие, взвизгнула и упала. – Это безобразие, Саня! – вопила сестра, поднимаясь. – Ты как хочешь, а я им объявляю бойкот!

Тонкий пожал плечами: пусть объявляет, если хочется. Всю зиму родителей не видела, ждала, скучала. Сейчас они приедут, а Ленке с ними и словом не перекинуться, потому

что нельзя – бойкот, господа. Где логика?

– Не советую, – ответил он. – Вдруг они скажут: «Наша дочка – дура», – а ты не сможешь ответить!

– Сам ты наша дочка! – Сестра отвесила Тонкому подзатыльник и усакала к себе.

Да, если бы можно было выбирать, то родителей-дипломатов Сашка ни за что не выбрал бы. Они все время в отъезде, собственные дети помнят их по фотокарточкам, а то встретили бы и не узнали.

Приезжают такие родители дня на два, чтобы поменять тяжелый чемодан с теплыми вещами для Канады на легкий с плавками для Австралии и вновь отбыть в командировку. В этот короткий срок они пытаются наверстать упущенное и быстренько перевоспитать своих детей, чтобы хватило до следующего приезда. «Вымой руки!» (ноги, полы), «Не ходи гулять без шапки!» (хотя на дворе уже середина марта), «Делай уроки!» (когда у тебя каникулы).

Тонкий вернулся к себе и еще раз перечитал мамино электронное письмо: *«Саня и Леночка! К сожалению, мы не можем провести с вами эти каникулы, как обещали, – наш отпуск отложили на лето. Весь март мы будем в Париже, а вам заказали тур в долину Луары – это близко, всего несколько часов на автобусе. Присматривать за вами будет гувернантка, мадемуазель Жозефа. Она замечательная, тридцать лет детей воспитывает. Мы прилетим завтра утром, в 4.30. Будьте умниками, собирайтесь, ваши са-*

молет послезавтра». Вот так. Ни «здрасьте», ни «до свидания», ни «как-то вы без нас, дорогие дети?».

Тонкий вздохнул и полез в поисковик. Надо ж узнать, что за Луара такая и почему в ее честь называли долину. Услужливый компьютер подумал несколько секунд и выдал информацию:

«Луара – самая большая река Франции. Длина 1010 км, площадь бассейна – 115 000 кв. км. Берет начало в Севеннах на высоте 1375 м. Течет по возвышенной местности Центрального Французского массива». Интересно и ничего не понятно. Что такое «площадь бассейна»? В реке еще и бассейн есть?

Тонкий представил себе эту большую реку в тысячу десять километров длиной, а у берега – бассейн, вроде лягушатника в детском лагере. Несколько квадратных метров огорожены веревкой с поплавками, чтобы малышня далеко не заплывала. Да, но площадь луарского бассейна – сто пятнадцать тысяч квадратных километров! Что-то слишком большой... «Ладно, – решил Тонкий, – приедем – разберемся». А «Центральный Французский массив» звучит солидно. Почти как «Центральный телеграф».

Ленка подскочила и заглянула через плечо:

– Смотришь, куда едем? Там сейчас тепло, Сань? Че с собой брать-то?

Тонкий ткнул пальцем в экран.

– Непонятно! – отрезала Ленка, пробежав глазами по веб-

странице. – Ты мне скажи, брать купальник или теплую одежду?

– Разговорник возьми, – буркнул Тонкий. – Разговорник и словарь. А лучше два, чтоб у каждого было.

Как ни странно, сестру вполне устроил такой ответ, и она упорхнула копаться в книгах. «Утром приедут мама с папой, они расскажут, какой климат в долине Луары, – думал Тонкий. – Вот тогда и узнаем, что брать с собой».

Он рассеянно листал веб-страницы. Что ж, каникулы обещают быть интересными. Жаль, Толстого вряд ли разрешат взять с собой. С животными уехать за границу трудно, тем более с крысами. Крыс никто не жалует. А зря!

Сашка достал из клетки Толстого и посадил на стол. Верному крысу не понравилось, что хозяин нарушил его покой. Толстый недовольно зашипел и перебрался спать к Сашке за пазуху. Толстый хороший. Маленький и умный, вроде карманной собаки-ищейки. С его помощью Сашка однажды разоблачил фальшивомонетчика, и теперь даже Ленка, которая крыс вообще-то терпеть не может, уважает Толстого. Да что Ленка! Ленкин котенок позволяет Толстому ковыряться в своей миске. А ведь когда-то сестренка притащила в дом кошку специально, чтобы насолить верному крысу! Но это было давно, до первого крысиного подвига (второго Толстый еще не совершил, но Сашка не сомневался, что все еще впереди). Думая о своем, Тонкий открыл очередной документ и чуть не свалил со стола клавиатуру.

«Похищение века, — гласила заметка электронной газеты. — Из Амбуаза, одного из красивейших замков Луары, украдена Большая Королевская Печать. По подозрению в краже арестован реставратор Пьер Вибре. Месяц назад он взял из музея подлинник для реставрационных работ, а вчера вернул копию. Подмену заметил один из экскурсантов, профессор истории, он заявил, что копия выполнена грубо и наспех».

Тонкий так и замер с открытым ртом. Ничего себе страсти бушуют во французской провинции!

В комнату опять влетела Ленка:

— Ты че не собираешься?! — Она зацепилась взглядом за строчку на экране и хлопнула Тонкого по плечу: — Что, братан, сыщик едет в командировку?

— Отстань, — Тонкий спихнул сестренкину руку, — тоже скажешь.

Отвратительнейшая черта — читать мысли брата и превращать их в посмеище. За это надо наказывать, как за взлом. На Сашкином счету действительно уже есть одно раскрытое уголовное дело, но этого мало, чтобы говорить: «Сыщик едет в командировку». А так хотелось!

Ленка хмыкнула и убежала к себе, а Тонкий остался переваривать полученную информацию и (чего там, у нас все свои) обдумывать план оперативно-розыскных мероприятий.

Станный этот реставратор. Знал же, что будет первым

подозреваемым! Мог нормально отреставрировать эту печать, вернуть, а через месячишко... Или хоть копию хорошую сделать. А то говорят: «Грубо, наспех». Нет, господа, так музейные экспонаты не крадут!

А на фиг вообще реставратору печать? Тонкий посмотрел на фотку в электронной газете: колотушка и колотушка, хоть и позолоченная. Орехи, что ли, ею колоть, как в «Принце и нищем»? Он еще покопался в Интернете и нашел другую статью про это похищение. Там популярно объяснялось, как с помощью этой печати можно озолотиться. Берется лист старинной бумаги (вырывается чистый из книги), варятся чернила по старинным рецептам, подделывается документ эпохи какого-нибудь Людовика и пускается на продажу... Так вот оно что!

Тонкий выключил компьютер и стал устанавливать мольберт. Когда человеку четырнадцать лет и он мечтает стать художником, самый сладкий запах для него – запах красок, самое волнующее зрелище – белый лист бумаги или холст, на котором может возникнуть все, что пожелаешь, а самое приятное занятие – рисовать, рисовать, рисовать... Когда рисуешь, лучше думается.

– Саня! Саня, подъем! Мама с папой приехали! – Ленка трясла его за плечо.

Интересно. Тонкий вроде ложиться не собирался. Когда успел уснуть? Он оторвал голову от подушки и увидел... Нет, это была не подушка. «В конце концов, ничего особенного, –

решил Тонкий. – Писатели и программисты спят лицом на клавиатуре, гости – лицом в тарелке, а художники, соответственно, – лицом в палитре. Все правильно».

Зеркала поблизости не было, но, глядя на Ленку, Сашка понял, что неслабо вымазался. Ленка веселилась, как будто увидела по меньшей мере двух индейцев в боевой раскраске.

Пропустим, как радовались брат и сестра приезду родителей, как папа ныл, что у него болит спина, а Сашка уже не маленький, чтобы вешаться на шею... Это все лирика для взрослых книг, нам она ни к чему. Мы с вами понимаем, что раз уж собственные родители, как бы им там ни радовались, отдают детей на растерзание французской гувернантке, то надо хотя бы выбрать достойную гувернантку. Какая уж тут лирика!

– Па, а что за Фрёкен Бок с нами поедет? – спросил Сашка.

– Не фрёкен, а мадемуазель, – поправила мама.

– Не Бок, а Жозефа, – подхватил папа. – Сейчас покажу.

Он включил ноутбук.

– Вот, мне письмо от нее пришло с фотографией.

Сашка глянул – да, эта дама рождена быть гувернанткой. Она сфотографировалась на какой-то французской кухне: пожилая, очкастая, в цветастом фартучке – вылитая Фрёкен Бок! Ох, каникулы...

– Она по-русски может? – спросил Тонкий.

– Может, – ответил папа. – По-русски, по-английски и по-немецки. Еще вас с Леной поднатаскает! Будете полиглоты. –

Он приобнял Сашку за плечи. – Да не волнуйся, она хорошая, тридцать лет гувернанткой работает!

«Оно и видно, – подумал Тонкий, – если человек знает три иностранных языка и добровольно идет работать гувернанткой, значит, это призвание. Как увидит, сразу набросится и погонит мыть руки!»

Он еще раз посмотрел на фотографию: с экрана ноутбука на Сашку взидала французская Фрёкен Бок, вот уже тридцать лет воспитывающая детей русско-, франко-, англо- и германоязычных стран. Мадемуазель Жозефа...

– Мадемуазель Жозе-Фу! – оценил ситуацию Тонкий.

– Мадемуазель Жозе-до-ре-ми-фа-соль! – согласилась с ним Ленка.

– Длинноватые прозвища, – встряла мама. – Зовите ее просто Же-Фу-Зе, ей понравится.

Ленка благодарно закивала: она решила, что мама придумала классную кликуху для гувернантки. Тонкий поморщился. Ему было стыдно за невежду-сестру, которая к тому же вдруг уверовала в мамину демократичность. Неясно, что ли: «Же-Фу-Зе» очень похоже на: «Же ву зэм» – «Я вас люблю» по-французски. Конечно, гувернантке понравится, только фиг ей!

Невежда-сестра была наказана. Она-то в школе учила французский! Ленке никак нельзя было не знать, что такое «же ву зэм». И мама ей об этом напомнила:

– Значит, говоришь, у тебя четверка по французскому?

– Угу, – беззаботно ответила эта дурочка, не чуя подвоха.
И тогда мама вынесла приговор:
– ПОКАЖИ-КА ДНЕВНИК!
Родителей не выбирают.

Глава II

Снегурочка и бандит

Ленка перетаскала чемодан в комнату к Тонкому и теперь укладывала свои вещи под чутким руководством брата. Если недоглядеть, она, пожалуй, соберется! Засунет не шляпу в чемодан, а наоборот – чемодан в шляпу, как фокусник. Так и поедет налегке, зато в шляпе. А Тонкий должен будет переть свой тяжелый чемодан, потому что собрался правильно... Ну уж фиг ей!

– Куда ты положила разговорник?! – ворчал Сашка. – Пока его найдешь, тебе такого наговорят, а ты и ответить не сможешь!

Увы, чем справедливее были слова, тем они вернее пролетали мимо Ленкиных ушей. Она безмятежно выслушала брата и сказала:

– Как знаешь, Сань, а мне это уже не нравится!

– Что тебе не нравится?

– Место, куда мы едем, – буркнула Ленка. – Там купаться еще нельзя, мама сказала. Зачем лететь куда-то к черту на рога, если там все равно не лето?

– Зачем на улицу выходить, если дома есть ванна, телик и холодильник? – передразнил ее Тонкий, выкапывая разговорник со дна чемодана. – Положи поближе, а лучше в руки

возьми. Может, он еще в самолете понадобится.

Ленка среагировала адекватно, то есть примерно так, как ожидал Тонкий. Она сказала: «Дурак», – звезданула Сашку разговорником по голове и запихала книжку обратно на дно.

«Вообще-то она права, – рассуждал Тонкий, потирая макушку. – Весенние каникулы не такие уж длинные, а март не такой уж теплый. Было бы неплохо сейчас позагорать, искупаться... Да и луарцы обрадовались бы хорошей погоде. Был бы я синоптиком, предсказал бы на Луаре жару, хотя бы на время каникул».

Тонкий снаряжался, как настоящий детектив: блокнот, фотоаппарат... Жаль, Толстого с собой не возьмешь! Он бы помог разобраться в деле о похищении печати. Но ничего, Тонкий справится и один. Вчера, прежде чем уснуть, он принял целых два решения:

а) лучше выучить французский (а то как же переговариваться с подозреваемыми и свидетелями!);

б) по приезде первым делом рвануть в Амбуаз на разведку, а потом узнать, где мастерская реставратора, – и туда. Может, кто-то что-то видел... В общем, как говорят оперативники, заняться сбором информации.

Он уже раскопал в старых маминых вещах диск с уроками французского и собирался под бурчание плеера: *«Булочка – бриошь. Джем – желе, конфитюр. Кофе – кафе»*.

Толстый бегал по комнате, принимая активное участие в сборах. Заглянул в чемодан к Тонкому, заглянул к Ленке.

Нашел у нее катушку ниток и покати́л передними лапами в свою клетку. Все крысы – воришки, даже домашние. Толстый однажды ночью спер заведенный будильник и спрятал в диван. Сашка утром чуть с ума не сошел. Слышит – будильник звонит, а где?! Верному крысу нужно все, что сможет унести. Спроси, зачем, – не ответит.

– Отдай нитки, грызун! – Ленка попыталась сцапать Толстого за хвост, но схватила только воздух. Да еще не удержала равновесие и шлепнулась. Толстый с катушкой удрал, Тонкий захихикал, но тут же посерьезнел и окинул Ленкин чемодан цепким взглядом таможенника:

– Аптечку взяла? Йод, бинт, пластырь?

Ленка закивала. Для надежности Тонкий заглянул в ее чемодан: да, вот он, йод, бинт...

– Пластыря нет.

– Как нет?! – возмутилась Ленка. – Только что же клала, смотри! – Она посмотрела сама и признала: – Правда нет. Сейчас положу.

По квартире носилась мама, она собралась первой и теперь помогала отстающим. Сашка слушал ее топот и радовался, что мама у него одна. Две бы пол проломили. На полной скорости единственная мама влетела в комнату:

– Все взяли? Лена: одежда, белье, туалетные принадлежности, разговорник, аптечка... Пластырь положи – пригодится! – и ускакала так же быстро, как появилась.

– Только что положила, – пожалала плечами Ленка, но на

всякий случай сунулась в аптечку: – Ой, и правда нет! Наверное, собиралась положить и забыла.

Тонкий утрамбовывал джинсы. Свежепостиренные, они стояли колом и занимали слишком много места. Погладить их уже не оставалось времени, и Сашка действовал грубо. сложил джинсы между двумя книгами и уселся сверху. С высоты ему все было видно, в том числе сестренкин чемодан с аптечкой без пластыря.

– Да положи ты пластырь, наконец! – Сашка уже начинал злиться. – Опаздываем!

– Положи...ла, – Ленка удивленно разглядывала аптечку. – Правда, Сань, только что... Куда он делся?..

Теряя терпение, Тонкий встал с книг, подошел к столу, сам достал из ящика пачку пластыря... На столе стояла клетка Толстого. Новенькая, блестящая, со стеклянной кормушкой, деревянной катушкой и тремя пачками злополучного пластыря!.. Все крысы – воришки.

Турист дипломату не товарищ, поэтому Тонкий с Ленкой летели утром, а мама с папой другим рейсом – вечером. Но детей проводили. Довезли до турагентства, сели с ними в автобус, чтобы вместе доехать до аэропорта.

Туристическая группа у Тонкого с Ленкой была небольшая: пол-автобуса вместе с провожающими. Тонкий оглядел пассажиров в надежде встретить человеческое существо моложе шестнадцати лет, чтобы было с кем делиться впечатлениями во время поездки. В чужой стране тяжело без товари-

ща. Ленка не в счет. Но все в группе были намного старше Тонкого.

Папа, раскрыв ноутбук, вдумчиво шлепал по клавишам. Ему по барабану: хоть в самолете, хоть в автобусе, хоть дома на диване – работа не ждет, господа! Мама поправляла шапку на Ленке и давала ценные указания:

– Слушайтесь мадемуазель Жозефу, она встретит вас в аэропорту. У нее будет табличка с надписью «Уткины». По-русски, – добавила она, строго взглянув на Ленку. У сестренки по французскому была тройка, и мама вчера в этом убедилась.

– Здорово! – не смутилась Ленка. – С такими табличками президентов встречают и поп-звезд. Я по телику видела.

– А «Французский язык для дошкольников» ты по телику не видела? – поинтересовался Тонкий. – Преинтересная передача, тебе бы понравилось!

Не будь рядом родителей, Тонкий получил бы по шее. Но с мамой бояться нечего, она не любит, когда дерутся. Значит, можно позлить Ленку в свое удовольствие.

Сестренка что-то прошипела в ответ и стала рассматривать вид из окна. Ничего интересного: дома, деревья – Москва. Через несколько часов все будет по-другому. Они прилетят в другой город и даже в другую страну, сядут в другой автобус с другим окном, а из окна откроется другой вид. На Луаре, наверное, все по-другому.

Тонкий попытался представить себе французский авто-

бус, мчащий их с Ленкой по французским улицам в долину Луары. Автобус наверняка будет двухэтажный, улицы чистые, шумные, с какими-нибудь невиданными деревьями. И отовсюду видна Эйфелева башня... «*Паитет – пате. Пирожное – гато. Тост – тост*», — бухтел в уши плеер.

В аэропорту стоял ровный гул. Говорили улетающие, говорили провожающие. Усталый таможенник вполголоса поинтересовался, есть ли у кого в Сашкиной группе ценности или взрывчатка. У нескольких человек оказалось, их заставили заполнять какие-то бумаги, а остальных спокойно пропустили. «Ничего себе! – подумал Тонкий. – Я думал, весь чемодан перероют! А тут... Папа говорил, что таможня задерживает только десять процентов контрабанды. Теперь понятно почему. Странно, что хоть десять задержать удастся. Да этот таможенник даже про оружие-наркотики не спросил!...»

Потом чемоданы просветили рентгеном, и Тонкий немного утешился. Может, наркотики так и не найдут, но уж оружие – обязательно. Пока их с Ленкой вещи вползали по транспортеру в ящик рентгеновского аппарата, Тонкий забежал вперед и посмотрел на экран. В своем чемодане он увидел тюбики красок, заклепки на джинсах и внутренности фотоаппарата. А в Ленкином, помимо прочего, обнаружили запрещенные мамой пудреница и помада.

Туристы галдели и толкались. Таможенник шептал про ценности и взрывчатку. Маму с папой дальше не пустили,

они стояли за барьером и махали руками. А Ленка плакала. Она всегда так, когда уезжает из дома хотя бы на неделю.

Тонкий потащил ее за собой по коридору. Обернуться, помахать родителям ему не дали: сзади напирали другие туристы. Им не терпелось поскорее забраться в самолет и улететь на заслуженный отдых. Пассажиров прибавилось: в аэропорту к группе Тонкого и Ленки присоединились другие. Группами руководили гиды. То есть гидши... То есть...

Коридор кончился прямо в самолете. Нет, конечно, самолет подогнали к концу коридора. Один шаг – и ты уже на борту. Улыбчивая стюардесса мельком взглянула на билеты, показала рукой:

– Второй салон, ваши места слева.

Тонкий усадил сестру к иллюминатору. Она продолжала реветь.

– Гид – это мужчина, а как будет гид-женщина? – попытался он отвлечь Ленку.

– Гидра, – буркнула сестра. Ей было не до тонкостей словообразования.

Тонкий вспомнил картинку из учебника биологии. А что? Похоже! Палка, огуречик и торчащие в разные стороны космы там, где должна быть голова.

Гидра перехватила Сашкин взгляд, увидела, что Ленка ревет, и подошла:

– Все в порядке?

Тонкий лишний раз убедился: хорошие взрослые – руч-

ные взрослые. Ну, там, дед, бабушка, мама с папой, когда они рядом. А прочим на тебя наплевать. Даже Гидре, хотя она проводник туристической группы и отвечает за тебя головой. Лишь бы ребенок не простудился да из самолета не выпал, а что ревет, это не беда, все в порядке.

– Да, все отлично! – ответил Тонкий. – У сестренки просто аллергия на самолеты, вот и ревет. У вас супрастинчику не найдется?

Гидра не поняла. Она позвала стюардессу и попросила супрастин.

– Выпей, девочка, – она протянула Ленке таблетку. – Выпей, полегчает.

Ленка еще не доревела. Это был обязательный ритуал, как подъем флага на боевом корабле. Чтобы не отвлекаться на объяснения, она проглотила таблетку и запила из протянутого стюардессой стаканчика. Сашке был показан кулак, после чего Ленка вернулась к прерванному занятию.

– Шуток не понимает, – шепнул ей Тонкий. Он чувствовал себя виноватым. Зареванная сестра вдруг оживилась:

– А давай проверим!

Нет, поймите правильно: Александр Уткин уже вполне самостоятельный мужчина. Он умеет рисовать не хуже многих взрослых, он хорошо учится, сам убирает в своей и Ленкиной комнате и никогда не позволит себе непростительного ребячества! Но если мама с папой и даже бабушка с дедом далеко за бортом, а любимую сестренку – век бы ее не знать

– обидела какая-то там Гидра...

– А как? – загорелся Тонкий. Ленка несамостоятельная и учится так себе, но насчет шуточек соображает.

Гидра тем временем, набегавшись по салону и убедившись, что вся группа расселась и никто не пропал, умиротворенно плюхнулась на свое место. У Ленки за спиной.

На пробу сестренка опустила спинку своего кресла, так, что она оказалась на коленях у Гидры, и, запрокинув голову, вежливо поинтересовалась:

– А почему нам не дали пепельниц?

– Курить и опускать спинку можно только после взлета, – невозмутимо ответила Гидра.

Обескураженно крикнув, Ленка вернулась в исходную позицию.

– Тяжелый случай, – зашипела она на ухо брату. – Тут нужна крепостная артиллерия!

Тонкий рассеянно вертел в руках разговорник. Ленка-то свой запихала на дно чемодана, а Сашка боялся, что он может понадобиться уже в самолете, поэтому взял в руки. И теперь вертел, не зная, куда девать. Стюардесса говорила порусски: «Пристегните ремни – не курите – взлетаем»... На ремне была пряжка. Чтобы ее застегнуть, надо было положить книгу на колени. Тонкий положил и, конечно, уронил. Наклонился поднять...

– Ленка! – оживленно зашипел он. – Ленка, Гидра разувается! Давай ботинки стащим!

Но сестре не понравился такой дешевый фокус. Она оказалась гораздо изобретательнее.

– Подожди, пока взлетим, – шепнула она. – Тогда кино будут показывать.

Тонкий не понял, что она имела в виду, но ботинки брать не стал. Ленке виднее.

Самолет пошел на взлет. Пол под ногами мелко затрясло. «Странно, – подумал Тонкий. – Вроде на взлетной полосе кочек не наблюдалось». А пол трясся и трясся под ногами, а потом вовсе ушел из-под ног. Секундой позже Сашка сообразил, что пол-то – вот он, это земля осталась внизу. Они взлетели.

Для верности он взглянул в иллюминатор. Еще были видны крыши загородных домов и серая веревочка шоссе. Уши заложило, крыши стали размером с почтовую марку, превратились в точки и пропали из виду. «Летим!» – подумал Тонкий.

– Летим! – шепнул он сестре. Ленка прилипла к иллюминатору:

– Смотри, облака!

Облака были внизу, а не наверху, как он привык видеть с земли. «Сюда мольберт не затащишь, – подумал Тонкий. – Жаль, неплохой получился бы рисунок. Облака внизу – авангард!»

Зажегся телеэкран. Крутили какой-то американский фильм. Звука не было, стюардесса раздавала желающим на-

ушники. Ленка отказалась, а Тонкий слушал плеер с французским. Только стюардесса ушла, сестренка отобрала у Тонкого плеер, включила запись и предложила:

– Давай споем!

Тонкий сперва не понял юмора. Высота, что ли, так действует на сестренку? Что ее петь-то потянуло? Ленка показала глазами за спину. Там Гидра и ее сосед балдели в наушниках. Словно в жизни не видели ничего интереснее тупой американской мелодрамы, где героиня вот уже минуты три беззвучно ругалась с героем и до сих пор никто никому не врезал и даже не взорвал ни одного небоскреба. Тонкий понял, кивнул и затянул дурным голосом:

– В ле-су роди-лась е-лочка!

– Под ней сидел бан-дит! – подхватила Ленка. Почти все пассажиры были в наушниках, только дедушка из соседнего ряда оторвался от газеты, чтобы погрозить пальцем расшалившимся подросткам. Душещипательную песню о том, как Снегурочка с бандитом взорвали елочку, Тонкий с Ленкой допели до конца. Как раз к тому времени на экране возникла какая-то голливудская певица и принялась разевать рот, как будто хотела проглотить микрофон.

– Давай! – шепнула Ленка.

Тонкий взял плеер, опустился на четвереньки и пополз к Гидриному креслу. Ползти было недалеко. Пассажиры были увлечены фильмом, а дедушка – газетой. Гнездо для телевизионных наушников было в подлокотнике кресла. Не ды-

ша, Сашка выдернул проводок, воткнул в плеер, включил «плей» и бесшумно скользнул на место.

Очень долго ничего не происходило. Секунды две. Тонкий уже начал волноваться: неужели Гидре понравилось их с Ленкой пение? Или плеер сломался? Ленка достала зеркальце, подвинулась поближе к брату, чтобы сквозь щель между креслами видеть в зеркальце Гидру. Сестренка сделала вид, что рассматривает свою прическу и советуется с Тонким.

– Все-таки не идет мне челка, – заявила она, глядя, как у Гидры в зеркале вытягивается лицо.

– Ну почему? – деликатно возразил Тонкий, наблюдая, как у Гидры вылезают из орбит глаза и отвисает челюсть. – Надо ее только поаккуратнее укладывать. Сейчас покажу...

– Сейчас я вам покажу! – рявкнула Гидра, стаскивая наушники. – Я вам покажу Снегурочку с динамитом!

Брат и сестра не стали ждать, когда Гидра им покажет, сорвались с мест, побежали в хвост самолета и спрятались в туалете. Они втиснулись вдвоем в тесную кабинку и долго не могли просмеяться. Гидра за ними не погналась, но на второй минуте в кабинку вошла пожилая пассажирка и удивленно поинтересовалась:

– А что это вы здесь вдвоем делаете?

Тонкий не мог ответить. Он смеялся. Взрослому и вполне самостоятельному мужчине Александру Уткину было легко и весело, как десять лет назад в песочнице.

– Слышь, Лен, – заметил он, когда вновь обрел способ-

ность говорить. – А шуток-то Гидра не понимает!

Глава III

Дубак!

Говорят, крысы могут жить где угодно: хоть в духовке, хоть в холодильнике. Это почти правда: если температуру в духовке установить минимальную, а в холодильнике, наоборот, – сделать потеплее, крыса может пожить и там, и там. Но человек, извините, тоже может жить в более суровом мире, где нет ни дискотек, ни сладкого, зато полным-полно школ. Может. Но это не значит, что он будет чувствовать себя хорошо.

Толстый замерз. Ему дуло в бока, дуло в нос, дуло в голый морозонеустойчивый хвост. Болела голова. У крыс она тоже иногда болит, хотя гораздо реже, чем у людей. Ломило лапы, и уши заложило.

Толстый взъерошил шерсть и зажмурился. Сам виноват. Куда залез? Запах у норы был знакомый, хозяйский, но хозяин его сюда не сажал. Сам забрался, верный крыс. Вот и получай теперь ветер во все места и головную боль: скоро ли выпустят? Чем скорее, тем лучше. Толстый подобрал хвост под себя и свернулся в клубок. Вокруг было полно теплых тряпок и бумаги, но это не спасало. Сквозняк просачивался сквозь тряпки, пробирался между листочками бумаги и напал на маленького серого крыса. Было трудно дышать.

Двуногий бы здесь не выжил: у них постоянно гипертония-гипотония, температура теплового комфорта – восемнадцать градусов. Семнадцать или девятнадцать – это уже тепловой дискомфорт. А здесь примерно минус тридцать восемь. Человек бы замерз, а для крысы – терпимо. Хотя все равно дубак.

Кстати, минус тридцать восемь – холодно для марта. Прохладная нынче весна, ничего не скажешь. Между нами, Толстому еще нет и года, и это первая весна в его жизни. Тем не менее любая крыса всегда знает, какое теперь время года, что оно сулит и что будет дальше. Дальше будет авитаминоз и линька – Толстый это знал. Ему будут давать меньше овощей, и шерсть на боках вылезет. «Потом наступит лето и будет жарко, – размышлял Толстый. – Буду целыми днями греться на подоконнике, подставляя солнышку бока, нос и (уй, как же холодно!) хвост. Хвост особенно. Хвост – прежде всего, на нем шерсти нет, поэтому он сильнее мерзнет».

Глава IV

Буржуй!

«Грибы – шампиньон». Тонкий зевнул и свернулся в уютном пассажирском кресле. Когда ж прилетим-то? Самолет должен сесть в Париже, а до Луары группа будет добираться автобусом. Ленка мечтала увидеть Париж, как все девчонки. Тонкий, как мужчина и как художник, предпочитал долину Луары. Потому что среди множества луарских замков есть Амбуаз, где, помимо прочего, долгое время жил великий художник Леонардо да Винчи. Говорят, там все сохранилось, как было при нем: обстановка, дневники художника, может быть, даже эскизы картин... Хотя в Париже – Лувр, тоже интересно.

В проход вышла стюардесса, заулыбалась, как теледикторша, и торжественно произнесла:

– Дамы и господа, наш самолет совершает посадку в международном аэропорту Орли. Просьба пристегнуть ремни и не курить. – Она повторила это еще на трех языках, чтобы до всех дошло, и удалилась.

Все дружно защелкали пряжками. «Подлетаем-подлетаем», – напевал про себя Тонкий. Ему не терпелось поскорее ступить на твердую землю.

– Буржуй! Буржуй! – кричала маленькая старушка из тол-

пы встречающих. Тонкий подумал, что и здесь, в Париже, существует классовая ненависть. Прокатился человек на самолете, а в аэропорту его поджидает пенсионерка, которая на самолете прокатиться не может и за это обзывает человека «буржуем». – Буржуй! – не унималась старушка. Она смешно подпрыгивала и размахивала широкой деревянной лопатой, как у дворника.

– Сань, – Ленка потянула брата за рукав. – По-моему, это нас встречают.

– Где?

– Да вон же! – Ленка показала на старушку с лопатой. – Видишь, она нам машет, здороваётся, и табличка у нее...

Тонкий еще раз посмотрел на старушку: точно! Дворничья лопата на самом деле – табличка с надписью «Уткины», просто старушка ее все время вертит, а с обратной стороны табличка действительно похожа на лопату. И старушка – не такая уж старушка. В смысле, не пенсионерка – ей лет пятьдесят. И кричит она не «Буржуй», а «Бонжур!».

– Бонжур! – рявкнул Тонкий и стал продираться сквозь толпу к гувернантке.

– Так вот ты какая, мадемуазель Жозе-фу! – шепнула Ленка.

– Уткины? – с сомнением спросила гувернантка, когда они подошли к ней.

Тонкий с Ленкой закивали. Вблизи Фрёкен Бок выглядела нехрупкой: штангу, конечно, не поднимет, но поставить

подростка в угол у нее сил хватит.

– Элен, – томно произнесла гувернантка, обращаясь к Ленке. – Элен, не смотрите на меня так! Я не кюсая.

Тонкий прыснул в кулак: вот оно, подлинное французское произношение. А Ленка-то мучилась, ломая перед зеркалом язык!

– Алекса-андр! – продолжала развлекать гувернантка. – Ничего смешнёва!

– Ай эм сорри, – смущенно пробормотал Тонкий. А Ленка заржала в голос.

– Разговорник возьми, разговорник возьми, – передразнивала она. – Алле, гараж, мы во Франции!

Фрёкен Бок растерялась окончательно:

– Камён на авт-обус! Шнеллер!

В автобусе уже сидела вся группа с Гидрой во главе. Гидра увидела опоздавших, покачала космами, сказала водителю: «Можно ехать». И они поехали.

Тонкий еще никогда не видел так много машин. Машины справа, машины слева, а где-то далеко две шеренги домов-небоскребов. А на них реклама, реклама: щиты с нарисованными сигаретами, щиты с нарисованными машинами, щиты с написанными нерусскими буквами – как в Москве, только еще больше.

– Саня, смотри! – дернула его за рукав Ленка.

Саня посмотрел. Как и предполагалось – ничего особенного. Похоже на гигантскую клетку для попугайчика. Поду-

маешь, Эйфелева башня! Останкинская намного выше.

Фрёкен Бок по-своему истолковала его равнодушие:

– Эйфелеву башню, – завела она, – построил французский инженер Алекса-андр Густав Эйфель в 1889 году. Ее высота – 300 метров, это почти в два раза выше, чем Хеопсова пирамида и чем Ульмский собор. Общий вес башни – около 9 миллионов килограмм!

«Интересно, кто ее взвесил? – подумал Тонкий. – И главное – как? Оторвал от земли целиком и на весы поставил? Или по частичкам разбирал-взвешивал, а потом собрал обратно?»

– На башню ведут лестницы, – продолжала Фрёкен Бок. – 1792 ступени и подъемная машина.

– Лифт, что ли? – спросила Ленка.

– Лифт, – кивнула Фрёкен Бок. – Виньте палец из носа.

Тонкий захихикал. Все-таки гувернантка – она и в Париже гувернантка. Пальца в носу не потерпит.

В автобусе ехали часа три. Лучше было бы пролететь в самолете лишние пятнадцать минут, но, видимо, на Луаре нелетная погода. Впрочем, и на земле оказалось неплохо. То есть все равно *над* землей – автобус был двухэтажный. Стекла в окнах голубые, от этого вид из окна казался еще красивее. Машины, реклама – все голубое. Потом вид сменился на более живописный: поубавилось машин, рекламные щиты попадались только на бензоколонках, на обочине возникли деревья, действительно не такие, как в Москве. А за де-

ревьями, за щербатым перелеском вдоль дороги...

– Это и есть Луара? – разочарованно спросила Ленка.

Тонкий посмотрел на Фрёкен Бок – она должна знать.

– Люар, – подтвердила она. И Сашке захотелось домой.

Самая большая река Франции смахивала на речку-вонючку на даче. Шириной, наверное, метров пятьдесят... То есть сто... То есть двести! Чем дальше они ехали, тем шире становилась Луара. Серо-голубая вода блестела на солнце и пускала зайчики.

Перелесок редел-редел, а потом вовсе кончился, и взорам предстала долина Луары во всей красе. Было похоже на картинку из «Сказок» Шарля Перро. Изумрудные газоны, кустики, подстриженные в форме разных зверей, и замки! Старинные французские замки из камня, с башенками, причудливыми маленькими окошками, блестящими шпилями и прочими наворотами старины. Тонкий увидел Амбуаз, знакомый по фотографии в буклете, и решил, что пора действовать:

– Мадемуазель Жозефа, – Тонкий заискивающе посмотрел на гувернантку, – мы можем сходить в Амбуаз сейчас же? Я так мечтал его увидеть...

Но гувернантка есть гувернантка. Режим прежде всего.

– Сперьфа объед, патом экскюссии! – строго изрекла она.

Тонкий надулся. Когда ведешь расследование, дорога каждая секунда. Может быть, сейчас, вот в этот самый момент, глупая французская уборщица выметает последнюю

улику, не замеченную полицией. А начинающий оперативник Александр Уткин никак не может ее перехватить, потому что обед, видите ли, важнее. «Салат – саляд. Суп – сун», – бухтел плеер.

Замки кончились, и автобус затормозил у отеля, чересчур современного для этого исторического места. У отеля было неприлично много этажей и лампочки над дверью. У двери стоял швейцар в серо-голубой форме, похожей на милицескую. А может, это русский милиционер подрабатывал в отпуске.

Группа выгружалась. Гидра, выйдя первой, уже рассказывала, что вот это отель, что он был построен в таком-то году. Потом дошла до полезной информации: хотя за все уже заплачено, здесь принято давать чаевые:

коридорному за то, что поднес тебе чемодан;

лифтеру за то, что нажал кнопку в лифте;

горничной за то, что убрала твой номер;

официанту за то, что подал тарелку;

всем остальным – по желанию, если они тебе понравятся.

Причем платить нужно деликатно. Деньги для горничной оставлять на тумбочке, для официанта – на столе. И только лифтер и коридорный, так и быть, примут чаевые в кулак.

Тонкий заскучал. Он выпросил у мамы триста долларов на хорошие краски, и еще по триста им с Ленкой выдал папа на карманные расходы. В России двести баксов – не самая маленькая месячная зарплата взрослого человека, а здесь как

бы не пришлось все раздать на чаевые.

– Понял? – толкнула его Ленка.

– Понял: разоримся.

– Балбес! Я говорю, чтоб ты деньги в номере не забывал.

Подумают, что для них оставлено, и стырят.

– Донт уорри, – по-английски сказала Жозефа. – К дьетям это не относится.

Тонкий обрадовался: куплю красочки!

Холл отеля смахивал на джунгли с небольшими пальмами, искусственным водопадом и настоящими обезьянами. Две обезьяны скакали по большой клетке, третья вольно восседала в кожаном кресле под пальмами. У обезьяны были фиолетовые волосы, золотая фикса и кожаные штаны, разорванные на коленке. Обезьяна курила толстенную сигару и читала газету – обезьяна тоже человек, ей без чтения скучно. Увидев туристическую группу, она вскочила, свернула свою газету и дала было стрекача, но не успела.

– Это же Патрик Питбуль! – крикнула Ленка так, что все обернулись. – Дай блокнот! – затормошила она Тонкого. – Автограф попрошу.

Тонкий дал, и Ленка побежала к обезьяне за автографом. Прочим туристам этот Питбуль был по барабану. Во всяком случае, больше никто не кинулся к обезьяне с блокнотом.

Тонкий пристроился в очередь к портье (надо же взять ключи от номера) и молча наблюдал, как Ленка на своем ломаном французском просит автограф, а Жозе-фу вертится

рядом и переводит обезьяне, чего от нее хотят. Обезьяна за-
травленно улыбалась и черкала в Сашкином блокноте, Жо-
зе-до-ре-ми-фа-соль строго косилась на Ленку. Она ей за-
даст, будь спок! Тридцать лет стажа работы с детьми – это
вам не хухры-мухры! Интересно, обезьяна актер или певец?
Сашка не знал никакого Патрика Питбуля, а спрашивать у
Ленки бесполезно. Скажет: «Темный ты, Саня, от жизни от-
стал!» – и ничего не объяснит.

Портье записал Сашку в книгу, дал взамен ключик с бир-
кой и на булькающем французском долго объяснял, куда на-
до идти, чтобы попасть в номер. Тонкий все понял, потому
что объяснения сопровождались красноречивыми жестами.
Ленку он ждать не стал, рассудив, что сестра не пропадет под
присмотром Жозефы и обезьяны.

Среди пальм в вестибюле отыскался лифт, а в лифте –
просторном, с зеркалами и диванчиком, – гарсон, человек,
который нажимает кнопки для тех, кому лень. Тонкому ну-
жен был пятый этаж, но как это будет по-французски? По-
колебавшись, он показал пять пальцев и был понят.

В коридоре можно было бегать стометровку, если взять со
всех гостей честное благородное слово сидеть в номерах за-
першись и не открывать дверей. Двери открывались наружу.
Сашка это усвоил, когда на пути к своему номеру получил
по лбу от какого-то темпераментного французского старика-
на. Старику не терпелось покинуть номер, и он со всей силы
распахнул дверь, как раз когда Сашка проходил мимо.

– Ж’эспер-ке-же-не-ву-зэ-па-фэ-маль (надеюсь, я не ушиб вас), – пробормотал старик.

Тонкий лихорадочно залистал разговорник. Он понял, что перед ним извинились и теперь надо сказать что-то вроде: «Ничего страшного». Но пока он листал, старик испарился.

– Я же говорила, он уже наверху! – послышался Ленкин голос со стороны лифта. Сестренка и Жозе-фу наконец-то соизволили составить компанию Тонкому.

– О, старина! – умилилась гувернантка, войдя в номер.

Тонкий заглянул куда только можно, однако признаков старины не заметил. Две комнаты – в одной диван, в другой две кровати, – стенные шкафы, два стола, четыре стула, один телевизор и тумбочка-бар с зеркальной задней стенкой, чтобы напитков казалось больше. Стены такие гладкие, что, кажется, и мухе не за что удержаться. Все белое или салатное с зелеными вставками для разнообразия. В России это называют «евроремонтом» и до сих пор считают писком моды. Где старина-то?

Оказалось, что старину Сашка держал в руке. Жозя показала ему свои ключи: от квартиры – обычный, а от подъезда – пластиковая карточка с магнитной полоской. Там, где бывает много людей и ключи то и дело теряются, давно уже ставят электронные замки. Их можно перепрограммировать, и карточка, попавшая в руки вора, перестанет работать.

Улыбаясь, гувернантка объяснила, почему ей не нравился

такой прогресс в замкостроении: изнутри электронный замок отпирается простым нажатием кнопки. На него невозможно запереть воспитанника. А на обычный – запросто. Дурные предчувствия снова овладели Тонким.

Главный недостаток номера состоял в том, что в нем вместе с братом и сестрой поселилась домомучительница. Главное же достоинство – что эта самая домомучительница собиралась спать в одной комнате с Ленкой, предоставив вторую в полное распоряжение Тонкого. Но покой нам только снится. То есть в покое Сашку собирались оставить не раньше, чем ночью. А пока был вечер, и мадемуазель Жозе-фу усердно воспитывала брата с сестрой.

Сначала ей показалось, что воспитанники не слишком резво разбирают свои чемоданы. Фрёкен Бок, видимо, желая показаться демократичной, предложила делать это с песней. Русские песни, которые она выучила в самом начале своего трудового пути, уже давно вышли из моды. Так давно, что Тонкий с Ленкой их не знали. Пришлось разучивать. Самой сносной Тонкому показалась песенка про барабаника. Он барабанил-барабанил, спать людям не давал и так всех достал, что его застрелили. Сашке понравилась концовка:

– И смолк наш юный барабаник, его барабан замолчал! – бодренько напевал он, перекидывая в шкаф рубашки. Счастливый конец. Обнадеживающий. Спите спокойно, граждане, никто вам не мешает.

Жозефа довольно улыбалась и дирижировала пальцами.

Ненормальная. Дальше – больше. Когда пришла пора обедать, Фрёкен Бок заставила не только мыть руки, но и переодеваться.

– Негигиенично обедать в дорожной одежде, – журчала она. – Знайте, сколько микрёмбов на этом свитере?

Для убедительности Жозефа подергала Ленку за рукав (микробы, наверное, так и посыпались). Пришлось подчиниться. Думаете, все? Фигушки! После обеда Жозефу опять заставила воспитанников переодеваться, на этот раз к экскурсии. Тонкий не возражал. Он быстренько напялил то, что гувернантка сочла приличным, и полчаса топтался у двери, ожидая, пока переоденется Ленка. Сыщик приехал в командировку. Пускай Ленка смеется, мы еще зададим перцу этим похитителям печатей!

Глава V

Хрупкие были короли

Ленка наконец переделалась, и воспитанники с гувернанткой во главе спустились к автобусу. Все уже собрались, только их и ждали. Гидра прошипела: «Опять опаздываете», – и дала водителю знак ехать.

Тонкий откинулся на спинку сиденья и стал смотреть в окно. Сейчас он увидит место преступления! Ну и другие замки посмотрит, они вроде тоже ничего...

Гидра между тем взяла микрофон и принялась объяснять бестолковым туристам, куда они едут:

– Поездка по долине Луары не только познакомит вас с историей и искусством Франции, но и поможет лучше представить саму страну. Вы проедете через маленькие милые городки, окруженные полями и виноградниками, насладитесь великолепной, спокойной и величественной природой...

Тонкий смотрел в окно. Природа действительно была ничего себе: стриженная травка, стриженные кусты... Под одним из кустов сидит абориген с початой бутылкой вина и, улыбаясь, делает ручкой автобусу. Благодать!

– В долине около ста двадцати замков, – продолжала Гидра, – они расположены вдоль реки Луары и ее притоков.

Большинство из них было возведено в период расцвета эпохи Возрождения в конце XV – начале XVI века. Одними из самых крупных королевских замков является замок Шамбор, крыша которого, перегруженная фонарями, башенками, фронтонами и каминными трубами, была однажды названа «очертаниями Константинополя в одном здании»; замок Вилландри, где находится один из самых замечательных «английских» парков Франции, а также замки Блуа, Амбуаз, Шенонсо.

– И что, мы как дураки обойдем все сто двадцать?! – шепотом ужаснулась Ленка.

Тонкий разделял ее переживания. Сто двадцать раз выйти из автобуса, выслушать сто двадцать историй от Гидры!.. Так и свихнуться можно, господа. Не говоря уже о том, что до Амбуаза они доберутся неизвестно когда.

Но их опасения не подтвердились. На горизонте мелькнули первые башенки, и Гидра завела новую песню:

– Замок Амбуаз возвышается над городом, как бы бросив себе под ноги кучу мелких камешков у подножия скалы, и представляет собой благородных очертаний внушительную крепость со своими большими башнями. Этот замок связан с историей жизни королей: Карла VIII, Людовика XII и, конечно же, Франциска I, которому удалось пригласить знаменитого мастера Леонардо да Винчи во Францию. В Амбуазе итальянец провел последние годы своей жизни. Вы сможете почтить память великого Леонардо в часов-

не Святого Юбера, месте его захоронения на территории замка. После трагической расправы с мятежниками амбуазского заговора в 1560 году замок был практически необитаем. А при Людовике XIV он использовался как тюрьма. Сюда был заключен знаменитый Фуке, министр финансов Людовика XIV. Разнородный и причудливый ансамбль замка Амбуаз создает его неповторимость, свидетельствующую о славной и богатой его истории.

К Амбуазу они еще не подъехали, но не станет же Гидра зря трепаться! Если рассказывает про Амбуаз, значит, будь спок, скоро покажет.

Башенки все приближались. Прохладная на вид, серебрившаяся Луара бросилась под колеса – автобус въехал на мост. А за мостом! За мостом был замок. Замок – не то слово. Дворец! Стадион «Динамо»! Десяток Больших театров, составленных причудливым лабиринтом. Здания были каменные, украшенные башенками и флажками, со множеством окон самой разной формы: и квадратиком, и прямоугольником, и аркой. И все это занимало огромное пространство. Пройти вдоль одной стены – полчаса, не меньше.

Автобус остановился, и Тонкий первым выскочил на свет. Ух ты! Минуты две он стоял с разинутым ртом, пялясь на каменного гиганта. Было странно, что из этого замка кто-то осмелился свистнуть печать. Казалось, такая махина должна была немедленно ожить и, топая фундаментом на всю Францию, помчаться за обидчиком.

Из автобуса неспешно выплыла Гидра и повела народ за собой вдоль стены замка.

– *Посмотрите направо, –* вещала она, и все поворачивали голову направо, – *вы видите террасу Карла VIII. Король устраивал здесь пышные празднества. Замок обязан своей красотой этому королю. До 1495 года Амбуаз был гораздо проще. Юный король Карл VIII провел здесь детство. Когда Карл вырос, он привез из Италии богатую коллекцию картин, скульптур, мебели, тканей, а еще – художников, архитекторов, садовников и скульпторов, которым и поручил перестроить замок. Теперь его архитектурный ансамбль включает в себя башню Миним, капеллу Сент-Юбер, Королевский корпус. Чтобы достать денег на всю эту роскошь, королю пришлось увеличить налог на соль.*

Тонкий захихикал в кулак. Что за налог такой непонятный? Есть налог на прибыль, пенсионный, подоходный, а на соль? Может, его платили торговцы солью? Он хотел спросить, но не решился прервать Гидру.

– *Но работы по перестраиванию замка были прерваны. 7 апреля 1498 года Карл VIII поехал смотреть на игру в мяч и ударился лбом о дверь. Спустя несколько часов он скончался. А реконструкцию замка закончил через семнадцать лет другой король – Франциск.*

Брат и сестра переглянулись:

– Ни фига себе, хрупкие были короли! – удивилась Ленка. Тонкий с ней согласился. Сколько он сам ударялся лбом

о дверь, и представить себе не мог, что каждый раз мог оказаться последним.

Гидра между тем потянула экскурсию за собой в замок, и Тонкий весь превратился в слух. Он ждал, когда расскажут об украденной печати, покажут место преступления (навверняка улики давно собраны, но вдруг!), когда наконец разрешат задавать вопросы, и он, Тонкий, вроде бы между делом поинтересуется, где реставрационная мастерская. Он равнодушно скользил взглядом по королевским покоем, пропустил мимо ушей рассказ о Леонардо да Винчи, пока наконец... В самом темном углу вообще-то светлого большого зала, рядом с маленькой дверцей (похоже, служебный вход), стояла одинокая пустая тумбочка. Два квадратных метра вокруг были огорожены флажками. Наверное, полицейские не убрали за собой.

Глава VI

Коридор для прислуги

Подтверждая Сашкину догадку, Гидра вскользь сказала, что здесь была выставлена Большая Королевская Печать, но, к сожалению, два дня назад ее украли. Конечно, пообещала, что экспонат найдут, а виновных накажут, и двинулась было дальше, но туристы наперебой стали расспрашивать:

- А кого подозревают?
- А зачем ему печать?
- А может, это не он?
- А когда ее найдут?

Вопросы были глупые, ответы знакомые. Подозреваемый – реставратор Пьер Вибре. Зачем ему печать, неизвестно (еще бы, когда Тонкий считал, что его подставили). Может, и не он. Когда найдут – никто не знает. Наконец все умолкли, и Тонкий спросил, где находится мастерская реставратора.

– Недалеко, в троглодитской деревне, – непонятно ответила Гидра. – Мы будем ее осматривать сегодня.

И повела экскурсию дальше по залу.

Тонкий отстал. Как он и предполагал, место преступления было вылизано до блеска. Ни волоска с головы, ни песчинки с подошвы. Хотя здесь они бы ему мало помогли. Какой французский полицей примет у подростка-иностранца воло-

сок для экспертизы? Этак все кому не лень будут заваливаться в участок и сдавать на экспертизу всякую хрень. И все же, и все же... Подмену обнаружили на следующий день. Если с реставрации вернулся подлинник, то сперли его и заменили копией именно на этом месте, а не в мастерской реставратора. Для этого надо отключить сигнализацию, дожидаться, пока в зале никого не будет, быстренько взять печать и шмыгнуть в эту дверь. Или, наоборот, появиться из-за этой двери... Уж очень она близко!

Тонкий пока еще не понял, при чем здесь дверь. Рука сама ее толкнула (поддалась!), ноги сами шмыгнули внутрь, и его взору предстал длинный темный коридор. Сашка приоткрыл дверь, чтобы просачивалось хоть немного света, и пошел на разведку.

Метров десять коридор шел прямо. Ни окон, ни люстр, ни канделябров не наблюдалось. Выше его роста на стене белела проводка. Сигнализация?

Коридор повернул, Тонкий – тоже и ткнулся носом в запертую дверь. Приехали. Начинаящий оперативник Александр Уткин сполз по стене на корточки и стал обдумывать положение. Собственно, обдумывать было нечего. В зал, откуда украдена печать, ведут два хода: парадный и этот. Парадный – из других залов, этот – неизвестно откуда. Потайной, наверное. Может, дверь в зале была занавешена гобеленом для скрытности, а по коридорчику французские короли ходили на свидания к своим французским фавориткам.

Тонкий представил, как они спотыкались и расшибали носы в темноте. Нет, господа, это коридор для прислуги. За запертой дверью наверняка комнатухи, в которых жили повара и служанки, а сейчас там всякие уборщицы, электрики, сторожа. Директор тоже там, присматривает за персоналом. Факт тот, что преступники любят такие служебные двери и темные коридорчики. Если печать сперли не во время реставрации, а после, то подошли скорее всего по этому коридору. Хотя если запертая дверь ведет, скажем, в комнату охраны...

Тонкий встал и потянулся. «И че?» – сказал он себе и пожал плечами. Улик нет, хвататься не за что. Пора было идти к своим. Жозе-фу, наверное, уже подняла на ноги всю группу: «Где мой воспитанник?!»

У двери в зал Тонкий зацепил ногой что-то маленькое и тяжелое. Эта штука со скрежетом отлетела по полу и ударилась в стену. Дверь закрылась от сквозняка, ничего не было видно.

Пошарив руками, Тонкий нащупал плоскую холодную коробочку.

Глава VII

Кошки Дианы де Пуатье

Никто не хватился Тонкого. Гидра продолжала вещать, а группа – слушать. Выскользнув из-за двери, он смешался с экскурсантами и на свету рассмотрел свою находку: портсигар, махонький, с половину обычного, а тяжелый. Потемневший от времени металл тускло блестел. Серебро, наверное. Уж какие такие сигары входили в этот портсигар, непонятно, да и неважно. Суть в том, что вещь недешевая и мужская. Уборщица, пусть и французская, вряд ли может быть хозяйкой такого портсигара. Может, менеджер или директор? Тонкий спрятал портсигар и подскочил к Гидре:

– Извините, а там что? – перебил он, показывая на дверь.

– Служебная лестница, – скороговоркой ответила Гидра. – Ничего интересного. Раньше это была дверь в крыло прислуги.

Тонкий кивнул и, окончательно обнаглев, спросил:

– А менеджер там ходит? Или директор?

Гидра удивленно подняла брови.

– Лично я с ними там не сталкивалась, – отчеканила она суровым тоном учительницы. – Вам неинтересно слушать экскурсию?

Тонкий замотал головой, мол, интересно-интересно, и

добросовестно устоялся на Гидру.

Значит, не подвела интуиция начинающего оперативника Александра Уткина! Хотя делать выводы еще рано. Пройти по уборщициному ходу – не преступление. Потерять там портсигар – тоже. Мало ли кому захотелось потусоваться у места преступления. Может, этот портсигар полицейский уронил.

Гидра наконец сдвинулась с места и повела своих к автобусу. Весь замок она, конечно, не показала. Если все сто двадцать луарских замков осматривать полностью – жизни, может, и хватит, но двухнедельной путевки – точно нет.

Тонкий плюхнулся на сиденье автобуса. Он уже успел устать.

Вообще, тырить улики с места преступления – не дело. Попробуй докажи потом, что ты нашел ее именно на этом месте, а не еще где. Но что было делать начинающему оперативнику? Попросить Гидру позвать полицию: я, мол, улику нашел? Наивно, господа. У взрослых же все по полочкам: полицейские расследуют преступления, экскурсоводы водят экскурсии, подростки их слушают, а если не слушают, значит, это плохие подростки. Обычным портсигаром Гидру не проймешь, тут нужен труп в чемодане. И то, прежде чем позвонить в полицию, она будет раздумывать, не привез ли ты труп с собой, чтобы сорвать ей экскурсию.

За окном зеленела долина, Гидра стояла в голове салона, держалась за поручни и бодренько вещала в микрофон:

– Господа туристы, мы подъезжаем к замку Шенонсо. Построенный на воде, в центре обширного парка с восхитительными газонами, он поражает элегантностью, напоминая о своей исключительной судьбе. На протяжении всей истории он возводился, обустроивался и управлялся женищинами. Дамы сердца, придворные дамы – семь женищин, две из которых были королевами, создали жемчужину Шенонсо. У всех у них были общие черты: исключительно сильный характер и деловое чутье. Благодаря своему вкусу и знаниям дамы Шенонсо оставили мировой культуре один из самых блестящих образцов искусства.

Тонкий угрюмо зевнул. Он представил себе этот замок, обустроенный одними девчонками. Если, скажем, Ленке дать замок, она его весь увешает бантиками, новогодней мишурой, а на шпильки посадит плюшевых мишек с дурацкими сердечками в лапах. У французских придворных дам плюшевых мишек, может, и не было, но женские вкусы с тех пор вряд ли изменились. Его заранее начало тошнить.

Жозе-фу среагировала мгновенно. Увидав зеленую физиономию воспитанника, она, как фокусник, извлекла нашта-тырь (Тонкий не успел заметить откуда), сунула Сашке под нос, а когда Тонкий захрипел, глотая слезы, осведомилась:

– Александр, вам нехохошо?

Тонкий не нашел что ответить.

Девчачий замок оказался ничего себе, если не считать аляповатых архитектурных излишеств да трех-четырех ко-

шек, с известными целями копающих ямки на клумбе. Гидра объяснила, что кошки прикармлиены здесь еще со времен Дианы де Пуатье, да так, что до сих пор не могут их выгнать. Тонкий посмотрел на кошек с уважением, как на почтенных старцев, и замок показался ему вполне сносным.

В первом зале он глядел по сторонам и слушал экскурсию. Во втором – видел обстановку и слышал бормотание Гидры. В третьем уже спал на ходу, а потом перестал считать залы и замки. В каждом глазу как будто было по маленькому калейдоскопу: сотни разноцветных осколков крутились, складываясь то в одну, то в другую картину, и не было предела их творческим возможностям. За кадром бухтел голос Гидры:

– Сказочным великолепием поражает замок Шамбор, вдруг вырастая в глубине аллеи. Предполагают, что автором первоначального проекта был Леонардо да Винчи. Но точно имя создателя Шамбора неизвестно...

А вот загадочный замок Шато-де-Сомер, к сожалению, недавно у него разрушилась одна стена: дожди размыли почву...

На высоком скалистом утесе, возвышающемся над Луарой, еще в IX веке была построена крепость Блуа. В 1498 году королем Франции стал Людовик XII. Уроженец Блуа, Людовик решил обосновать здесь свою резиденцию...

Тонкий сквозь дрему думал, что Гидра и впрямь ненормальная: решила показать все сто двадцать замков за один день. Но тут Гидра громко кашлянула в микрофон, так что

спящие туристы проснулись, и объявила:

– А сейчас мы с вами поедem в деревню троглодитов!

Глава VIII

Кто такие троглодиты?

Звучало интригующе, и простодушная Ленка стала вслух рисовать картину: «Французские троглодиты у своего жилья»:

– Они в шкурах, что ли, с дубинками? И все надушены французскими духами, после обеда вытирают руки о собственные волосы...

Жозе-фу ее одернула:

– Не говорите глупостей, Элен! Троглодитами здесь называют местных деревенских жителей, они одеты, как все нормальные люди, и пользуются салфетками.

Ленка пожала плечами:

– А чего тогда на них смотреть?

Оказалось, смотреть надо было не на троглодитов, а на их деревню. Деревня была не на, не под, а в огромной белой скале. В подножии были выбиты пещеры (понятно, почему местных жителей называют троглодитами). Вход в пещеры закрывали вполне современные двери, а снаружи торчали спутниковые «тарелки».

У одной из пещер наблюдалось оживление. Вход был оцеплен веревкой, и по пятаку туда-сюда слонялись полицейские.

– Мастерская реставратора, – вполголоса объяснила Гидра, – того самого. Печать-то до сих пор не нашли.

Туристы синхронно повернули головы и стали полусшепотом обсуждать, найдут или нет. Тонкий подбежал поближе, но его шуганул сердитый французский полицей. Он успел разглядеть в открытую дверь свалку красок, деревяшек, столярных инструментов, плед, кресло и компьютерную клавиатуру. Не повезло реставратору. Тонкий чувствовал, что его подставили. Если Вибре не дурак, если печать до сих пор не нашли...

Гидра встрепелась, заметила непорядок и попыталась переключить внимание на себя:

– Это легендарная скала: из нее выбивали камни для постройки всех замков Луары...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.